

Сяо Юэбай прижал ладонь к дрожащим струнам. Видя, что Янь Сюнь весело хохочет и ничуть не пытается скрыть своего озорства, он не выказал и тени смущения. Напротив, он мягко улыбнулся:

— Признаю, вышло скверно.

Стоявший перед ним Сяо Юэбай сохранял полную невозмутимость. Янь Сюнь смахнул выступившую от смеха слезинку и с любопытством спросил:

— Учитель, что за мелодию вы только что исполняли?

— Неужели Ваше Высочество не узнали? — Сяо Юэбай притворно опечалился. — Это была «Дикие гуси, опускающиеся на пологий берег».

Сей классический напев призван описывать грацию птичьих стай, кружащих в поднебесье; мелодия его обычно возвышенна, плавна и полна свежести. Однако звуки, лившиеся из-под пальцев Сяо Юэбая, больше походили на то, как неотесанный муж в предсмертной злобе точит тупой нож о крутой утес. Скрежет стоял такой, что ни одна нота не попадала в такт, не говоря уже о передаче высокого смысла.

— Неужто и впрямь «Дикие гуси»? — поддразнил его Янь Сюнь. — То-то мне показалось, будто в вашей игре слышны предсмертные хрипы подстреленной птицы.

— Неужели всё настолько невыносимо? — Сяо Юэбай, не желая сдаваться, вновь тронул струны.

Словно в подтверждение его слов, в небе над ними мелькнула птица. Она испустила резкий, испуганный крик и, отчаянно забив крыльями, в мгновение ока скрылась из виду.

— Интересно, не гусь ли это был? — Янь Сюнь едва сдерживал новый приступ смеха.

Пить Дахунпао он больше не мог, а потому отставил пиалу и принялся пристально разглядывать Сяо Юэбая. Тот, обычно мягкий и податливый, сейчас явно вошел в азарт. Он сосредоточился, и его взгляд зажегся живым огнем. Приковав взгляд к струнам, он глубоко вдохнул, и в следующее мгновение его пальцы, точно легкие бабочки, порхнули над инструментом.

Сяо Юэбай был необычайно хорош собой, и поза его при игре на цитре казалась исполненной изящества. Если бы не этот терзающий слух грохот, «Дикие гуси» в его исполнении наверняка покорили бы всё живое.

Как раз в этот момент подошла служанка с подносом. От внезапно обрушившейся на нее канонады звуков у девушки дрогнули руки. Поднос наклонился, и сладости посыпались на

землю.

Побледнев от ужаса, служанка рухнула на колени и задрожала.

— Ваше Высочество, пощадите! Пощадите, Ваше Высочество!.. — лепетала она, не смея поднять глаз на Янь Сюня.

Пусть Второй принц и не был жестоким господином, его непредсказуемый нрав внушал свите во дворце Фуюй беспредельный страх. Стоило в деле появиться постороннему, как веселье с лица Янь Сюня мгновенно исчезло. Он холодно взглянул на девушку и уронил:

— Ты...

В его голосе не было ни гнева, ни угрозы, но в сочетании с душераздирающими аккордами Сяо Юэбая это прозвучало поистине жутко. Не успел принц договорить, как несчастная, едва не сорвавшись на плач, взмолилась:

— Молю, не убивайте меня!

Янь Сюню и в голову не приходило лишать кого-то жизни. За все свои четырнадцать лет он не пролил ни капли чужой крови. Столкнувшись с таким отчаянием, он растерянно взглянул на Сяо Юэбая и вздохнул:

— Встань. Я не собираюсь тебя убивать.

— Правда не убьете? — Служанка с трудом поднялась на негнущихся ногах.

— Собери здесь всё, — приказал Янь Сюнь, — и принеси свежих сладостей.

Девушка, точно получив высочайшее помилование, в мгновение ока смела осколки и остатки пирожных, после чего припустила прочь так быстро, будто за ней гнались демоны.

Проводив её взглядом, Янь Сюнь поднялся, обошел Сяо Юэбая и, обхватив его за шею, с обидой прижался щекой к его уху:

— Учитель, неужели я и впрямь такой страшный? Похож на злодея, который только и думает, как бы кого прирезать?

Сяо Юэбай, всё еще сражавшийся с непокорным инструментом, лишь мельком взглянул на него, не прерывая своего занятия. Почувствовав себя покинутым, Янь Сюнь расстроился еще сильнее. Скрежет струн становился невыносимым; принц попытался зажать уши, но звуки,

казалось, проникали прямо в череп. Не выдержав, он перехватил руки Сяо Юэбая, прижимая их к струнам и обрывая «музыку».

Тот с недовольством обернулся. Он едва коснулся губами подбородка Янь Сюня. Принц замер, застигнутый врасплох. Прямо перед его глазами оказалось лицо Сяо Юэбая — яркие, точно подкрашенные алой помадой губы, влажные и невообразимо манящие. Янь Сюнь зажмурился и, повинувшись безотчетному порыву, коснулся их пальцами, легонько потирая.

— У меня что-то на губах? — растерялся Сяо Юэбай.

— Да, учитель, — соврал Янь Сюнь, не моргнув и глазом. — Немного соевой муки осталось.

За ужином Сяо Юэбай и впрямь лакомился рисовыми лепешками в тростниковом сахаре, которые были обильно посыпаны мукой, а потому он легко поверил юноше:

— Вот оно что.

Он серьезно и ласково посмотрел на Янь Сюня. Под этим взглядом принц почувствовал укол совести, но в следующее мгновение мягкий голос учителя коснулся его слуха:

— Ваше Высочество так прекрасны, разве вы можете кого-то напугать? Кровожадным злодеям не сравниться даже с краем ваших одежд.

Услышав такую похвалу, Янь Сюнь просиял:

— Учитель так добр ко мне. Я больше всех на свете люблю учителя!

Он снова потерся лицом о шею Сяо Юэбая и искренне добавил:

— И вы тоже очень красивый. Вы — самый красивый человек, которого я встречал в своей жизни.

Сяо Юэбай никогда не кичился своей внешностью, но то, что она пришлась по сердцу дорогому человеку, наполнило его душу тихим восторгом. От избытка чувств он снова потянулся к цитре. Заметив это, Янь Сюнь поспешно перехватил его ладони.

Сяо Юэбай всё понял и сокрушенно вздохнул:

— Ну хорошо. Не буду больше играть.

Янь Сюнь почувствовал, как горят его ладони от этого прикосновения, и поспешил выпустить

руки учителя. Пытаясь сменить тему, он предложил:

— Учитель, давайте лучше сыграем в го. Беседа за доской под чай и лунный свет — вот истинное изящество.

— Пусть будет так, — согласился Сяо Юэбай.

Слуги принесли доску и чаши с камнями. На небе сияла луна, а в саду двое готовились к схватке. Янь Сюнь взял черные камни, Сяо Юэбай — белые. Принц сделал первый ход, а его наставник, неспешно отхлебнув остывающий Дахунпао, небрежно опустил белый камень на край поля.

Янь Сюнь полагал, что мастерство учителя в вэйци столь же плачевно, как и в музыке. Однако не прошло и времени, за которое догорает половина палочки благовоний, как его черные камни оказались зажаты в тиски белых. Жизни в них не осталось.

Три партии подряд Сяо Юэбай громил ученика в пух и прах, тратя на каждую не более нескольких минут. В конце концов Янь Сюнь надулся и отодвинул доску:

— Учитель, я так больше не играю!

<http://bllate.org/book/17467/1698106>